НЕЗАВИСИМАЯ

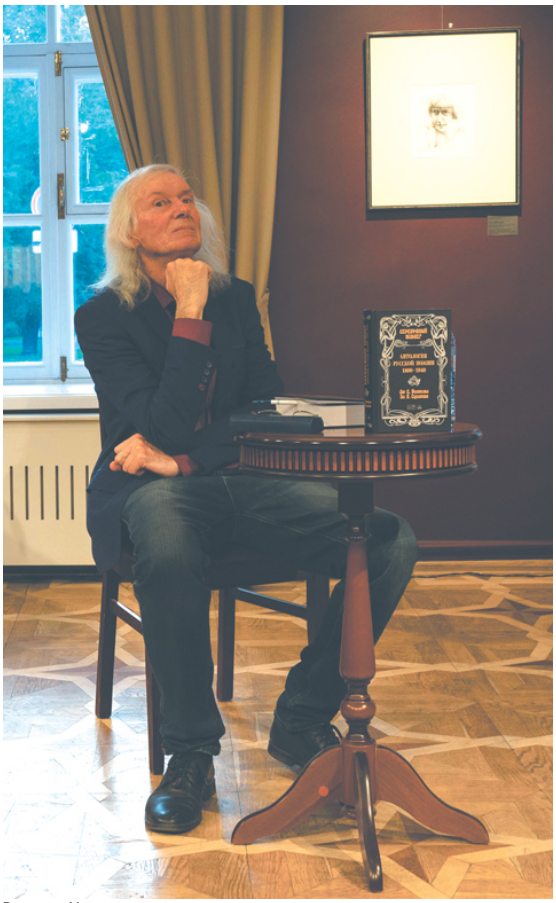
Газета (/gazeta/) (/ng_exlibris/) Печатная версия

29.06.2022 20:30:00

Как будто в сердце нож воткнули

Серебряный век – неисчерпаемый и потрясающий

Татьяна Писарева (/authors/169173/)



Виктор Кудрявцев доказал: один в поле – воин, даже если это поле вдали от столицы.
Фото Андрея Трубецкого

В Доме-музее Марины Цветаевой прошла презентация третьего и четвертого томов антологии поэзии 1890–1940-х годов «Серебряный ковчег». Приятным сюрпризом стало присутствие большого человека из маленького города – составителя антологии, историка литературы Виктора Кудрявцева. На протяжении более чем 30 лет кропотливую работу по сбору текстов хорошо, мало и совсем не известных поэтов Серебряного века Кудрявцев ведет у себя в Рудне Смоленской области при ненадежном интернете, вдалеке от крупных архивов и библиотек. Тем не менее ему удалось собрать по всему миру более 25 тысяч произведений 8 тысяч авторов. Он приоткрыл завесу тайны создания обещающего быть многотомным труда, поблагодарив за помощь своих друзей, включая ведущего вечера, литературоведа Сергея Зенкевича, и не забыв помянуть тех, кто ушел в последние годы: Николая Богомолова, Льва Турчинского, Евгения Витковского, Льва Мнухина, Олега Коростелева.

Третий и четвертый тома не имеющего аналогов по объему и подбору авторов «Серебряного ковчега» включают произведения поколения Александра Блока, Андрея Белого, Велимира Хлебникова, старших акмеистов.

Как отметил Сергей Зенкевич, филологи не сходятся в научном определении понятия «Серебряным век», а многие участники антологии «были бы удивлены и даже возмущены, что их причисляют к какому-то Серебряному веку. Особенно это касается поэтов, которые были привержены авангардной и радикальной эстетике». По признанию Кудрявцева, его издание – не хрестоматия.

Искусствоведу, историку литературы Станиславу Айдиняну посчастливилось лично знать не одного участника антологии. Он кратко познакомил с их судьбами собравшихся, проведя параллели со знаменитой серией «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...». Среди прочих Айдинян назвал Анастасию и Марину Цветаевых, их сводного брата Андрея Цветаева, а также друзей и знакомых семьи Цветаевых, с которыми он сам пересекался, будучи литературным секретарем Анастасии Ивановны. Более подробно Айдинян рассказал про умевшего делать изумительные пародии на коллег по цеху Эллиса, который ввел юную Марину в литературные круги Москвы. В рассказе Айдиняна также упоминались

Белый, Александр Цыгальский, Софья Федорченко, Борис Садовской и др. Большинство из них ходили по лестнице Цветаевского дома, где, собственно, проходила презентация, и это, по словам ведущего, приблизило собравшихся к легендарной эпохе.

Историк литературы, бард Виктор Леонидов, в репертуаре которого есть песни о Цветаевой, Высоцком, исполнил композицию о Пушкине, чье имя было свято для Серебряного века: «Мечтало столько поколений/ под пулю ту подставить грудь». Леонидов предложил поаплодировать Кудрявцеву за его огромный труд по увековечиванию русских поэтов, который не ограничивается «Серебряным ковчегом» и включает собрания «1001 поэтесса Серебряного века», «Белая лира» и др.

Стихи участников третьего и четвертого томов «Ковчега» Александра Рославлева, Василия Дембовецкого, Александра Диесперова и других прозвучали в исполнении филолога Татьяны Ланкау и журналиста, театрального обозревателя «НГ» Вероники Словохотовой. А ведущий, пользуясь служебным положением, прочел шокирующие «Петербургские кошмары» Михаила Зенкевича.

Открытием для собравшихся стало творчество Анны Панкеевой, которая наряду с Иваном Коневским стала одной из великих надежд Серебряного века. Правда, Коневской, утонув в 24 года, успел много написать и повлиял на многих поэтов, а безвестная Панкеева погибла в возрасте 22 лет, написав в начале 1900-х стихотворение, проникнутое поистине цветаевским неистовством: «Волчонок в клетке, рот в крови,/ Вгрызаясь в прутья, ищет волю./ Стою у клетки vis-a-vis,/ Ведь это хищник и не боле./ Ему и клетка суждена/ И смерть от раскаленной пули…/ Так отчего ж я так больна,/ Как будто в сердце нож воткнули,/ Как будто это я в плену/ У дикарей в партикулярном,/ И я кровавую слюну/ Глотаю в ужасе кошмарном?..»